КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

О „Верстахъ“

Евразійцы шумѣли немало, провозглашая свои «утвержденія». Изъ низинъ политики призывали къ высотамъ исторіософіи. Играли вѣками. Связывали и развязывали — Востокъ и Западъ, Европу и Азію, христіанство и монгольство. По новому раскрывали « русскую идею ». Переоцѣнивали, возвышали и низвергали, пророчествовали, разрушали и созидали. Все это дѣлалось не безъ лишней самонадѣянности, но иногда — и не безъ таланта. Правда, въ ихъ новизнѣ было много стараго, въ ихъ настойчивой «исторіософичности» можно было найти не мало исторіософистики, какъ въ самомъ евразійствѣ — налетъ азіатства просто. Правда и то, что, не уяснивъ многаго для самихъ себя и не столковавшись другъ съ другомъ, евразійцы въ концѣ концовъ оставались довольно таинственными незнакомцами, особенно тамъ, гдѣ ихъ сверхполитическія построенія соприкасались съ вопросами чистой политики. Конкретныхъ выводовъ изъ своихъ отвлеченныхъ утвержденій они избѣгали. Казалось, евразійство можетъ къ себѣ примѣнить слова одного поэта :

Пойду ли вправо, или прямо,
Или налѣво повернуть?...

Но, пожалуй, и въ этихъ шатаніяхъ и въ недомолвкахъ было кое-что цѣнно : они рождались изъ попытокъ найти новую, третью позицію, перенеся русскую проблему изъ области политики въ область культуры. Тутъ передъ евразійцами открывались хорошія возможности. Наряду съ опасеніями, на евразійство позволительно было возлагать и нѣкоторыя надежды.

Этимъ надеждамъ наноситъ тяжкій ударъ недавно явившійся въ Парижѣ журналъ « Версты ». Хоть и здѣсь еще наблюдается обычная евразійская темнота, хотя кое-что еще произносится съ нарочито пифійственною неясностью, хотя евразійцы по прежнему кое-въ-чемъ противорѣчатъ сами себѣ, — но общій поворотъ, наконецъ, повидимому, обозначился. Тѣмъ лучше для ясности дѣла — и тѣмъ хуже для участниковъ «Верстъ».

«Версты» — журналъ по преимуществу литературный, и какъ таковой, направляется и руководится по преимуществу кн. Д. П. Святополкъ - Мірскимъ, евразійскимъ, такъ сказать, «спецомъ» по литературной части. Личные вкусы и капризы Святополкъ-Мірскаго ощущаются на всемъ протяженіи «Верстъ». Онъ въ нихъ— главный хозяинъ и дирижеръ.

Нѣкогда евразійцы провозгласили не оригинальную, но полез-

ную истину о революціи, какъ событіи, полагающемъ острую грань между прошедшимъ и будущимъ Россіи. Но каковы по существу будутъ и каковы должны быть чаемыя очертанія грядущей, послѣреволюціонной Россіи, — объ этомъ, по писаніямъ евразійцевъ трудно было составить отчетливое понятіе. Неизвѣстно было, что именно разумѣютъ они подъ словомъ революція, что въ революціи почитаютъ существеннымъ, что — случайнымъ, что — зломъ, а что — благомъ. Порою (и очень часто) казалось, что для нихъ въ революціи — все зло, и тогда становилось невразумительно, какимъ образомъ ихъ благія чаянія могутъ основываться на полнѣйшемъ злѣ. Но вотъ недавно, въ журналѣ «Воля Россіи», кн. Святополкъ-Мірскій высказался какъ будто довольно точно. Онъ заявилъ, что «подлинная Революція есть Революція Че-Ка и комсомола». При нѣкоторой осторожности, фраза еще могла казаться двусмысленной, и неизвѣстно было, въ какую сторону тутъ журналъ оскоромился: пишутъ-ли въ немъ, что всякая подлинная революція есть только грязь и кровь (что было бы намъ естественнѣй прочитать въ «Вѣрѣ и Вѣрности») —или же, что подлинныя блага и откровенія революціи познаются въ Че-ка и въ комсомолѣ (что, въ свою очередь, болѣе подходитъ для страницъ «Правды»)? «Версты» этотъ вопросъ разрѣшаютъ. Судя по тому, что въ «Верстахъ» князь Святополкъ-Мірскій только и дѣлаетъ, что пріемлетъ революцію и величаетъ ее съ заглавной буквы, и памятуя, что не можетъ же онъ восхвалять не «подлинную» революцію, а поддѣльную, — приходится сдѣлать выводъ, что и на гостепріимныхъ страницахъ «Воли Россіи» онъ «Революцію Че-ка и комсомола» именно восхвалилъ и благословилъ. (Въ благодарность за гостепріимство имъ нынѣ и выдавъ «Волѣ Россіи» «патентъ на благородство» и на званіе «самаго свободнаго журнала эмиграціи»).

Однако, не нужно думать, что князь Святополкъ - Мірскій въ самомъ дѣлѣ такой кровожадный революціонеръ, какимъ представляется. Въ своей фразѣ о чека и комсомолѣ нашъ рабоче - крестьянскій князь умышленно принажалъ педаль, съ двойной цѣлью: «здѣсь» — эпатнуть презрѣннаго буржуа (князь — большой аматеръ по этой части, хотя —«надъ кѣмъ смѣетесь? — надъ собою смѣетесь»), а «тамъ» — продемонстрировать интегральную, стопроцентную вѣрность «лозунгамъ и завѣтамъ». Въ дѣйствительности, князь Святополкъ - Мірскій смотритъ не въ столь страшную сторону, его товарищи по журналу — тоже. Ихъ «революція, пожалуй, не лучше и даже похуже той, «подлинной», но она менѣе кровава. Что, въ самомъ дѣлѣ, за революціонеры собрались въ «Верстахъ»?

Была февральская революція. Ее полу - незамѣчаютъ «Версты» вполнѣ презрительно. Была эпоха октября и военнаго коммунизма, соблазнившая многихъ не «подлинностью» Че - ка, разумѣется, и не откровеніями комсомола, котораго въ ту пору еще даже не было, а романтическою мечтой о великомъ сдвигѣ, о новой правдѣ, словомъ, — о тѣхъ «Иноніяхъ», которыя разными людьми

по разному назывались. Такими соблазненными были Блокъ, Есенинъ, еще кое-кто. Всѣ въ разной мѣрѣ за свой соблазнъ поплатились (Блокъ и Есенинъ — смертью).

Но и къ той страшной и соблазнительной революціи никто изъ сотрудниковъ « Верстъ » тоже касательства неимѣлъ. Одни, какъ напр., Марина Цвѣтаева, имѣли мужество ненавидѣть ее открыто, другіе — тайно. Одинъ изъ редакторовъ, С. Я. Эфронъ, съ нею сражался оружіемъ. Гдѣ были тогда г. г. Сувчинскій, Богдановъ, кн. Трубецкой, самъ Святополкъ-Мірскій и прочіе — мы не знаемъ. Одно несомнѣнно : ту революцію они не приняли и не славили.

Что-жъ было дальше? « Тотъ ураганъ прошелъ», какъ писалъ Есенинъ. Послѣ дождя повылѣзли черви, жабы. Настала та гнусность, которую даже лживый языкъ Ленина не осмѣлился назвать революціей, а нарекъ ей хамское имя Нэпа. Пришла пора, когда вчерашніе революціонеры и « подлинные » чекисты засѣли въ тресты, раздѣляясь безъ остатка на бездарныхъ хозяйственниковъ и талантливыхъ воровъ ; когда раздуватели мірового пожара стали въ придворныхъ ливреяхъ являться къ королямъ и въ лакейскихъ фракахъ — къ банкирамъ : « помилуйте, революціи больше нѣтъ, это такъ только называется »; когда остатки рабочихъ спаиваются рыковкой и разстрѣливаются за забастовки; когда режимъ военнаго коммунизма кажется либеральнѣйшимъ по сравненію съ нынѣшнимъ удушительствомъ; когда моральная грязь изъ кремлевскихъ стѣнъ прососалась по всей Россіи; когда кремлевскіе фальшивомонетчики и содержатели притоновъ (это не метафоры) изолгались до склоки, которую сами не въ силахъ унять; когда... много можно бы приписать разныхъ « когда », — вотъ тогда и явились « Версты » : на словахъ вмѣстѣ съ большевиками воспѣвать Революцію, про себя знать: Нэпъ. Заявлять устами Сувчинскаго о « новомъ русскомъ ренессансѣ 920-хъ годовъ», наставшемъ потому, что « въ какихъ-то новыхъ большевицкихъ людахъ тяга къ соціальному дѣлу и жизненной подвижности проснулась съ необычайной силой». Мы знаемъ, кто эти « какіе-то новые большевицкіе люди ». Это нэпманы всѣхъ мастей и профессій, начиная отъ бывшихъ рабочихъ и кончая публицистами, люди съ Ленинымъ на языкѣ и аршиномъ въ карманѣ, одинаково « изжившіе » всѣ «идеализмы» ; это — смѣсь че-ка и охранки, партійнаго клуба и дубровинской чайной, черно -, красная сотня, краса и гордость любой реакціи. Кромѣ нея, сейчасъ, «тамъ» все придушено и задушено. Кремлевцы ошибочно считаютъ ее надежнымъ тормазомъ при ихъ спускѣ отъ « міровой соціалистической ». Сувчинскій (кажется правильнѣе) ожидаетъ, что «тяга къ національному дѣлу» выльется у нея въ славный еврейскій погромъ.*).

Разумѣется цѣли большевиковъ и Сувчинскихъ не совпадаютъ (ес-

---

*) Что не не очень любезно в журналѣ, гдѣ одинъ изъ редакторовъ — С. Я. Эфронъ, а въ числѣ сотрудниковъ — Пастернакъ, Бабель, Л. И. Шестовъ и Артуръ Лурье.

ли вообще у большевиковъ остались какія-нибудь цѣли, кромѣ желанія сберечь свою шкуру). Но **пока что** — имъ по дорогѣ : прочь отъ проклятой Европы, отъ ненавистной Россіи Петра и Пушкина, отъ ненавистной интеллигенціи,— въ азіатчину и реакцію. Этотъ путь они условно зовутъ Революціей, что тоже очень удобно для обѣихъ сторонъ. И пока что — « Версты » шлютъ воздушные поцѣлуи своимъ союзникамъ : вѣдь ихъ раздѣляютъ лишь «версты».

Я уже указывалъ, что евразійцы поютъ довольно разногласно. И внутри ихъ контакта съ большевиками есть разные психологическіе оттѣнки. Богдановъ и Сувчинскій вообще посложнѣе и прячутъ больше камней за пазухой. Святополкъ - Мірскій попроще. Очень возможно, что у него и нѣтъ никакихъ заднихъ мыслей, онъ искренно возлюбилъ нэпъ и съ нѣкоторыхъ поръ прямо идетъ въ литературные «попутчики». Теперь, въ «Верстахъ», онъ старается не ударить лицомъ въ грязь. Какъ всегда, онъ дѣлаетъ это довольно капризно, «какъ бы рѣзвяся и играя», съ сохраненіемъ нѣкотораго даже вольномыслія, но въ общемъ — какъ разъ соотвѣтственно видамъ начальства. Сидя за рубежомъ, онъ (надо отдать справедливость его чуткости) очень быстро и хорошо усвоилъ пріемы попутчиковъ — вплоть до легкаго фрондированія, которое большевики тоже любятъ: это придаетъ комплиментамъ оттѣнокъ независимости и искренности.

Открываются «Версты» стихами и прозой. Въ предисловіи сказано, что задача ихъ — направлять читательское вниманіе на все лучшее и самое живое въ современной русской литературѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ художественномъ отдѣлѣ «Верстъ» встрѣчаемъ двухъ эмигрантскихъ авторовъ (Марину Цвѣтаеву и А. Ремизова) и пять совѣтскихъ. Не буду подробно останавливаться на отдѣльныхъ вещахъ. Что касается перепечатанныхъ произведеній — они и не новы, и плохи, но главное здѣсь не въ вещахъ, а въ авторахъ и въ ихъ мѣстожительствѣ. Надо было показать, что «лучшее и самое живое» идетъ изъ СССР, — и это сдѣлано. Надо было отмѣтить авторовъ, ничѣмъ не скомпрометированныхъ передъ совѣтской властью — это сдѣлано тоже. Таковы — Пастернакъ, Сельвинскій, Бабель и Артемъ Веселый. Съ перепечаткой Есенина вышла небольшая ошибка: теперь въ СССР уже начался походъ «противъ есенинщины», подъ такимъ заглавіемъ вышла даже особая книжка; но когда «Версты» печатались, Есенинъ не былъ еще «разъясненъ». Далѣе — особенно прорекламировать нэповскую, а не октябрьскую литературу — именно это и сдѣлано: ни Пастернакъ, ни Бабель, ни Сельвинскій, ни Артемъ Веселый съ той эпохой ничѣмъ не связаны: это — типичные попутчики, «выдвиженцы» нэпа. Москва должна особенно цѣнить перепечатку изъ « Лефа », журнала непосредственно близкаго къ Че-Ка, но не скомпрометированнаго « лѣвымъ уклонизмомъ», которымъ грѣ-

шатъ чекисты-напостовцы. «Леф» погибъ по причинѣ убыточности, въ эпоху перехода на «самоокупаніе». Его кончину кн. Святополкъ - Мирскій отмѣчаетъ сочувственнымъ вздохомъ на 210 страницѣ «Верстъ».

На ряду съ любовью къ «попутчикамъ» очень типично для «Верстъ» ихъ незамѣчаніе пролетарской литературы. Правда, она плоха, но, конечно, многое въ ней ничуть не хуже Сельвинскаго или Артема Веселаго. Но пролетарская литература и вообще пролетаріатъ не въ фаворѣ у нэпа. Слѣдовательно, не въ фаворѣ она и у нашихъ нэповцевъ... Наконецъ, надо кстати отмѣтить еще одинъ шагъ «Верстъ»: въ числѣ ихъ сотрудниковъ имѣется и настоящій коммунистъ: Артуръ Лурье, бывшій начальникъ Музо Наркомпроса. Здѣсь онъ — не то хозяйскій глазъ, не то свадебный генералъ. Онъ высказался о музыкѣ.

Наряду съ положительною задачей восхваленія нэповской культуры имѣется у «Верстъ» и отрицательная. Съ большевиками у нихъ не только общіе друзья, но и общіе враги: ненавистная интеллигенція и ея дѣтище — эмигрантская литература. Интеллигенціи вообще достается преимущественно отъ Сувчинскаго, хотя мелкіе пинки по ея адресу имѣются и въ статьяхъ кн. Трубецкого, и у нѣкоего г. Туринцева, и у кн. Святополкъ-Мирскаго. Но послѣдній взялъ на себя расправу преимущественно съ зарубежной литературой. Подъ видомъ рецензіи на «Современныя Записки», достается намъ грѣшнымъ, эмигрантскимъ писателямъ. И замѣчательно: «достается» именно такъ и именно тѣмъ, на кого особенно сердятся въ Москвѣ. Но тутъ я вынужденъ къ небольшому отступленію или поясненію.

Такъ какъ и по моему лично адресу кн. Святополкъ - Мирскимъ сказано въ «Верстахъ» много весьма нелестнаго, то кому-нибудь можетъ показаться, что въ моей оцѣнкѣ литературной дѣятельности нашаго критика играетъ роль личная, мелочная обида. Именно потому, что я не способенъ обидѣться на кн. Святополкъ - Мирскаго, я пишу о немъ со спокойной совѣстью. Его оцѣнкамъ я не могу придавать значенія, прежде всего потому, что онѣ часто и по весьма очевиднымъ поводамъ мѣняются. Недавно кн. Святополкъ - Мирскій объявилъ Марину Цвѣтаеву великою поэтессой и радовался чести быть ея современникомъ. А всего два года тому назадъ, въ своей антологіи «Русская лирика», онъ, какъ неоднократно отмѣчалось, вовсе не помѣстилъ ея стиховъ, заявивъ презрительно, что она — просто «безнадежно распущенная москвичка». Въ той же антологіи И. А. Бунинъ названъ «очень большимъ прозаикомъ», а теперь, въ «Верстахъ», этотъ чинъ сильно пониженъ — потому что надо было понизить одного изъ виднѣйшихъ участниковъ «Современныхъ Записокъ». Еще болѣе разительныя свидѣтельства о добросовѣстности и обоснованности сужденій кн. Святополкъ - Мирскаго находимъ въ той - же Антологіи. Не помѣстивъ тамъ стиховъ Велеміра Хлѣбникова, кн. Святополкъ - Мирскій объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что до «недавняго времени мало имъ интересовался и теперь, когда меня зачаровала эта странная смѣсь въ

одномъ лицѣ геніальности и кретинизма... теперь, когда я спохватился — достать его книги не оказалось возможнымъ». Тутъ не то важно, что нашъ изслѣдователь поздно «спохватился», а то, что онъ былъ «зачарованъ» Хлѣбниковымъ... не имѣя передъ глазами ни одного его стихотворенія (иначе бы оно могло быть включено въ антологію). Наконецъ, взявъ у Гумилева стихотвореніе «Заблудившійся трамвай», кн. Святополкъ - Мирскій въ примѣчаніи поясняетъ, что оно «совсѣмъ не характерно для Гумилева.Признаюсь, что въ выборѣ его я руководился соображеніями, чуждыми существу дѣла и важными для одного меня». Такъ вотъ — могу ли я въ серьезъ считаться съ мнѣніями такого критика? Нѣтъ, я безпристрастенъ, ибо не обижаюсь на него теперь, когда онъ заявляетъ, что « «любимый поэтъ всѣхъ тѣхъ, кто не любитъ поэзіи» — какъ не былъ польщенъ, мѣсяцевъ восемь тому назадъ, когда, въ журналѣ «Благонамѣренный» онъ писалъ, что мои стихи «никогда не разочаровываютъ» и что «если бы у насъ была Академія, никто не былъ бы болѣе достоинъ войти въ нее, чѣмъ... Владиславъ Ходасевичъ». Увы! Все это слишкомъ просто: тогда мы съ кн. Святополкъ - Мирскимъ вмѣстѣ сотрудничали въ «Благонамѣренномъ», а съ тѣхъ поръ нашъ критикъ вычиталъ въ «Лефѣ» и въ «Красной Нови», какъ надлежитъ отзываться о Ходасевичѣ... Онъ же самъ признается, что иногда руководится «соображеніями, чуждыми существу дѣла»...

Вернемся къ «Современнымъ Запискамъ». Объ эмигрантской литературѣ полагается увѣрять, что она гнила и мертва. Совѣтскіе журналы поютъ объ этомъ на всѣ лады. Такъ дѣлаетъ и кн. Святополкъ-Мирскій, даже заимствуя отдѣльныя выраженія все изъ той же « Красной Нови» да изъ «Лефа». Но бѣда въ томъ, что трое участниковъ «Современныхъ Записокъ» оказались сотрудниками «Верстъ»: это — Шестовъ, Ремизовъ и Марина Цвѣтаева, а одинъ (Андрей Бѣлый) перебрался въ Москву. Какъ тутъ быть? Какъ не записать въ мертвечину своихъ и выгородить лояльнаго обитателя СССР, Андрея Бѣлаго? Очень просто, нужна только ловкость рукъ. И вотъ, нашъ изслѣдователь дѣлитъ участниковъ «Современныхъ Записокъ» на основное мертвецкое ядро (Мережковскій, Гиппіусъ, Бунинъ, Алдановъ, Зайцевъ, Ходасевичъ) и на живую «периферію», состоящую изъ «случайныхъ, не связанныхъ съ существомъ («душой») журнала гостей: Андрея Бѣлаго, Ремизова, Шестова, М. Цвѣтаевой». Пріемъ, конечно, рѣзвый, но въ какой мѣрѣ добросовѣстный — читатель сейчасъ убѣдится. Статья кн. Святополкъ - Мирскаго посвящена двадцати шести книжкамъ «Современныхъ Записокъ». Именно къ 26 - ой книжкѣ приложенъ полный указатель матеріала, напечатаннаго въ «Современныхъ Запискахъ» за все время ихъ существованія. И вотъ изъ этого указателя явствуетъ слѣдующее: принадлежащій къ «ядру» Бунинъ былъ напечатанъ въ десяти книжкахъ, принадлежащій туда - же Мережковскій — даже только въ семи. А изъ «случайныхъ гостей» мы видимъ М. Цвѣтаеву — въ двѣнадцати книжкахъ, Шестова—

въ тринадцати, т. е. ровно въ столькихъ - же, какъ и «основной» Ходасевичъ *). Ремизовъ въ семи, какъ и Мережковскій, который, оказывается, лишь на два раза больше печатался въ «Современныхъ Запискахъ», нежели... самъ кн. Святополкъ - Мирскій (его писанія — въ пяти книжкахъ). Но самый престидижитаторскій пріемъ примѣненъ къ Андрею Бѣлому. По пріѣздѣ изъ Россіи, Бѣлый началъ печататься въ «Современныхъ Запискахъ» съ XI-ой книжки и затѣмъ появился въ XII, XIII, XV, XVI и XVII, послѣ чего вновь уѣхалъ въ Россію. Слѣдственно, пока была возможность, онъ печатался подрядъ во всѣхъ выходящихъ книжкахъ журнала, съ пропускомъ лишь одной. Можно ли назвать его «гастролеромъ», какъ дѣлаетъ кн. Святополкъ - Мирскій? Но и этого мало. За нѣсколько мѣсяцевъ до возникновенія «Верстъ», въ своей англійской книжкѣ о русской литературѣ, кн. Святополкъ-Мирскій сообщилъ англичанамъ, что русскій писатель Андрей Бѣлый — «шарлатанъ». Писалъ онъ это много спустя послѣ того, какъ въ «Современныхъ Запискахъ» былъ напечатанъ романъ А. Бѣлаго «Преступленіе Николая Летаева». Слѣдственно это мнѣніе относится и къ «Преступленію Николая Летаева». А теперь онъ заявляетъ: «ядро «Современныхъ Записокъ» не дало въ романѣ ничего равнаго напечатанному со стороны «Преступленію Николая Летаева»... Дѣло, конечно, ясно. Андрей Бѣлый, какъ находящійся въ Сов. Россіи, долженъ быть признанъ въ «Верстахъ» замѣчательнымъ писателемъ. И кн. Святополкъ - Мирскій забываетъ о своемъ «шарлатанскомъ» опредѣленіи.

Мнѣ кажется, этихъ примѣровъ слишкомъ достаточно, чтобы составить мнѣніе о кн. Святополкъ-Мирскомъ и не спорить съ нимъ по существу. Одно скажу: «Современныя Записки», журналъ не безъ промаховъ и недостатковъ. Но едва ли не величайшая, на мой взглядъ, его ошибка заключалась въ печатаніи писаній кн. Святополкъ - Мирскаго.

Кн. Святополкъ - Мирскій подвизается въ литературѣ не такъ давно (слабая книжка его стиховъ, вышедшая лѣтъ 12 тому назадъ, не въ счетъ: ея никто не замѣтилъ). Но онъ хорошо усвоилъ самые дурные литературные пріемы — въ частности изъ большевицкой и большевизанской печати. Объ одномъ изъ такихъ пріемовъ, который не могу не считать постыднымъ, — два слова. Кн. Святополкъ - Мирскій позволилъ себѣ въ своей статьѣ назвать З. Н. Гиппіусъ по-просту «Зинаида», безъ упоминанія отчества и фамиліи. Развязность, достойная деревенскаго комсомольца, но за то перенятая изъ совѣтскаго источника. Самъ кн. Святополкъ - Мирскій однажды назвалъ

*) Глубокое уваженіе къ Л. И. Шестову заставляетъ, напротивъ, почитать его случайнымъ и, надѣемся, недолгимъ гостемъ «Верстъ». Онъ имъ чуждъ и по существу своихъ писаній, и даже... по орфографіи. («Версты», разумѣется, набраны по новой орфографіи. По желанію Л. И. Шестова журналъ напечаталъ его статью, въ видѣ исключенія, по старой, — но тутъ же извинился передъ начальствомъ).

В. Шкловскаго «совершенно распущеннымъ журналистомъ». Такъ вотъ именно у этого «совершенно распущеннаго» и заимствована въ полной точности его непристойная выходка: на 233 стр. IV книги «Ленинградскаго» журнала «Русскій Современникъ», В. Шкловскій именно такъ назвалъ З. Н. Гиппіусъ. Это особенно характерно: вѣдь какъ разъ относительно нея большевиками въ свое время былъ данъ приказъ: ругать особливо.

***

Показавъ воочію, до чего «жива» литература совѣтская и «мертва» эмигрантская, «Версты» не ограничиваются сравненіемъ этихъ двухъ «культуръ». Ихъ «заданіе» не выполнено, если они еще не покажутъ, сколь благопріятны политическія условія СССР для развитія и процвѣтанія талантовъ. Оно и понятно: для рекламы мало сказать людямъ, что они умираютъ; надобно еще указать курортъ, гдѣ они могутъ вылѣчиться. И вотъ не безъ робкихъ оговорокъ, редакція «Верстъ» перепечатываетъ давно всѣмъ извѣстную резолюцію ЦК РКП о художественной литературѣ *). Эта резолюція, вынесенная лѣтомъ 1925 года, дѣйствительно, предлагала нѣсколько ослабить «нажимъ на литературномъ фронтѣ», или, какъ въ одной изъ своихъ статей выразился нѣкій совѣтскій либералъ Варейкисъ,— «поменьше травить писателей». Само собой очевидно, что резолюція такъ и осталась резолюціей. «Версты» дѣлаютъ видъ, — что они этого не знаютъ, и перепечатываютъ ее на своихъ страницахъ. Но однихъ зазываній въ СССР мало. Реклама не реклама, если къ описанію курорта не приложены отзывы излѣчившихся. И вотъ, на добрыхъ 23 столбцахъ «Версты» перепечатываютъ отвѣты писателей на анкету, предложенную имъ по поводу резолюціи сов. журналомъ «Журналистъ». Всѣ знаютъ, что значитъ совѣтская анкета. Это — допросъ передъ лицомъ ГПУ. Нечего удивляться, если всѣ отвѣтившіе (за исключеніемъ Вересаева, который пользуется въ Сов. Россіи неприкосновенностью) — болѣе или менѣе славятъ резолюцію. Больно и горько разбираться въ этихъ подневольныхъ «откликахъ». Стоитъ ли различать, кто больше испугался, кто меньше, кто захотѣлъ и сумѣлъ польстить (къ несчастью, нашлись и такіе), кто прибѣгъ къ изворотамъ и недомолвкамъ? Богъ съ ними, съ отвѣтами. Насъ занимаетъ позиція «свободнаго», издающагося внѣ Сов. Россіи журнала «Версты», который, зная, конечно, не хуже насъ, чего стоятъ эти отвѣты, сколько придушенныхъ страданій и униженій за ними скрыто, — печатаетъ ихъ съ такимъ видомъ, какъ будто они не насильно вырваны, а добровольно высказаны, какъ будто гоненія на писателей въ СССР — дѣло прошлое, а теперь — свобода. Все это станетъ особенно наглядно, если я приве-

*) Кстати сказать — презабавно путая ЦК коммунистической партіи съ съѣздомъ партіи и приписывая резолюцію то ЦК, то XIII съѣзду, который происходилъ гораздо раньше и никакой литературой не занимался. Очевидно, редакція «Верстъ» еще не сильна въ основахъ политграмоты.

ду здѣсь адресованное ко мнѣ частное письмо какъ разъ одного изъ тѣхъ, чьи похвалы «гуманной» резолюціи такъ радуютъ кн. Святополкъ - Мирскаго:

«Я отказываюсь значиться и слыть литераторомъ, лицомъ, которое благодаря нынѣшнимъ «льготамъ и послабленіямъ» по Кубу и т. д. по видимости не стрижется подъ общую скобку, но морально въ силу этого отличія постоянно слѣдитъ за собой, чувствуетъ себя нивѣсть какъ обязаннымъ обществу и времени за эти ничтожныя преимущества и какъ какую - то неблагодарность переживаетъ собственную связанность собою и свою отдаленность отъ господствующаго тона. Это морально невыносимое положеніе. Вотъ я и рѣшилъ поискать должности въ области, достаточно далекой отъ литературы... Вотъ придется переучиваться на старости лѣтъ. За то я не буду «писателемъ», «современнымъ писателемъ»... Ахъ, какъ все это тутъ теперь невыносимо! Дошло до того, что самыя откровенные враги и подлѣйшіе, лицемѣрнѣйшіе судьи относительно меня оказались правы: т. е. они меня довели до того, что я самъ пересталъ себя уважать...»

Невыносимыя страданія писателей и интеллигенціи въ Сов. Россіи, повторяю, общеизвѣстны. Припомнимъ хотя бы то, что просачивается въ **совѣтскіе** источники: недавнее самоубійство д - ра Гешелина, избіеніе врачей и инженеровъ, и замѣчательное письмо предсѣдателя жилищной секціи ЦЕКУБУ («Центральной Комиссіи по Улучшенію Быта Ученыхъ») Мицкевича, напечатанное въ «Правдѣ». Мицкевичъ сообщаетъ, что одни только жилищныя притѣсненія и издѣвательства довели до самоубійства «заслуженнаго артиста Республики» извѣстнаго скрипача Д. С. Крейна, послужили причиной безвременной кончины д-ра Тезякова, архитектора Злобина и М. О. Гершензона. Они же довели до серьезной болѣзни профессора консерваторіи А. Л. Брандукова, извѣстнаго віолончелиста.

Тотчасъ послѣ смерти Есенина большевикъ Воронскій писалъ: «Въ литературной средѣ у насъ есть прямые кандидаты на есенинскій конецъ. Называютъ даже имена».

И вотъ, послѣ всего этого и зная это — «Версты» перепечатываютъ шуллерскія «резолюціи» большевиковъ — да еще съ «откликами», насильно вырванными у забитыхъ писателей. Тѣ, кто дѣлаетъ это, стоятъ не «лицомъ къ Россіи», а лицомъ къ ея мучителямъ. Когда кн. Святополкъ - Мирскій по какому - то жуткому закону наслѣдственности, увѣряетъ, что въ Совѣтской Россіи настала «весна»,— онъ заманиваетъ въ застѣнокъ.

Владиславъ Ходасевичъ.